Павлов А. В. Истина и метод : рецензия на сборник о Кембриджской школе // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — Т. III, № 1. — С. 315–329.

Александр Павлов*

Истина и метод**

рецензия на сборник о Кембриджской школе

Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018.

DOI: 10.17323/2587–8719–2019–3–1–315–329.

Осенью 2018 года в четвертом номере журнала «Логос» вышла моя статья, посвященная истории (и) методологии «Кембриджской школе (истории политической мысли)» (Павлов, 2018a). Надо признаться, что она выглядела немного странно на фоне остальных текстов тематического выпуска, посвященного телу и сексуальности. Именно поэтому она располагалась в самом конце издания, в подвале — некое приложение к номеру, необязательное для чтения конкретного выпуска целевой аудиторией. Возможно, кому-то будет интересна история появления этого текста (надеюсь, что я уже достаточно заинтриговал читателей; а если кого-то не заинтриговал, прошу меня извинить).

Какое-то время я занимаюсь вещами, которые связаны с политической философией лишь опосредованно, и до этого я не писал подробно про Кембриджскую школу, хотя и занимался темой где-то с 2008 года. Дело, конечно, не в том, что публикацией я хотел отметить скромный, но все же юбилей своих научных занятий. В 2018 году, наконец, на русском языке вышла фундаментальная работа британского историка Квентина Скиннера «Истоки современной политической мысли» в двух томах (Скиннер, Олейников, 2018b). Событие для российского интеллектуального и научного поля — беспрецедентное. Эта книга — не просто классическая в своей области, но все еще актуальная и более чем влиятельная. Ее ценность и достоинства трудно переоценить, но есть у нее некоторые недостатки, которые тем более важно отметить, чем более влиятельной и популярной является книга.

*Павлов Александр Владимирович, к. юрид. наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); заведующий сектором социальной философии, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, apavlov@hse.ru.

**© Павлов, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Решив проверить, насколько сам метод Кембриджской школы используется в эмпирических исследованиях ее ключевых представителей — в смысле насколько он в самом деле прикладной и насколько работает — я решил написать рецензию на двухтомник Скиннера, где собирался указать на те самые недостатки и в целом проложить для будущих читателей «Истоков современной политической мысли» тропы, по которым можно было бы следовать, не опасаясь утонуть в фактическом материале. Имена, книги, течения, традиции и т.д., упоминаемые и детально разбираемые Скиннером, невероятно сложно удержать в памяти, тем более что сам он, обсудив одну тему и перейдя к другой, может вернуться к прежней, потому что ее потенциал не был исчерпан.

Обдумывая композицию материала рецензии, я посчитал необходимым изложить сперва суть методологии, а вместе с ней и историю методологической эволюции школы, чтобы показать читателям книги Скиннера, что его работы, возможно, не следует принимать в качестве единственной путеводной звезды в такой непростой области, как история политической мысли, какой бы эта история ни была — итальянской, немецкой, английской или даже русской. Ведь, надо признать, что книга выглядит (и стала) настолько авторитетной (и читается как авторитетная), что и мне как ее читателю было сложно найти силы, чтобы сопротивляться и материалу, и логике мысли. В итоге, руководствуясь выбранной стратегией, я написал так много, что подробный разбор книги был бы уже лишним и мало уместным. Так идея рецензии была отложена, и родился совсем другой текст. Как оказалось, все было не напрасно.

Поскольку я должен был учесть все, что известно о теме на русском языке (и сами тексты основателей школы, и исследовательские работы), раз уж речь шла об истории применения метода и вообще о карьере представителей Кембриджской школы, я обратился и к тем, кто занимается этой темой в России — с одной стороны, питерский центр Res Publica, с другой — мои московские коллеги историки Михаил Велижев и Тимур Атнашев, которые на протяжении нескольких лет публиковали в журнале «Новое литературное обозрение» как материалы, написанные представителями самой школы, так и собственные работы, выполненные в соответствии с «кембриджской методологией». Не могу сказать, что я был неосторожен в оценках относительно применимости метода по отношению к русской истории, но могу сказать обратное: я был более чем осторожен. Однако моим *намерением* (интенцией, если угодно) не

было подробного и детального обсуждения исследований коллег. Моим изначальным *намерением*, которое, как мы видим, стало другим в процессе работы, было обратиться примерно к тому, чем занимается сама Кембриджская школа — поместить их методологию в различные контексты, чтобы проверить, является ли столь популярный сегодня метод вечным и абсолютным, или же он все-таки должен быть понят как историческое (а также научное, политическое и т. д.) явление. Вероятно, это самый первый и необходимый шаг, который должен сделать каждый исследователь, громко заявляющий, что он работает с помощью данной конкретной методологии.

Спустя буквально пару месяцев Михаил Велижев и Тимур Атнашев опубликовали в издании «Философия. Журнал Высшей школы экономики» блок статей, посвященных истории понятий и Кембриджской школе в том числе. В своей статье «История политических языков в России: к методологии исследовательской программы» авторы посвятили дискуссии, адресованной исключительно моему тексту, целый пункт, получивший название «Полемика» (Атнашев, Велижев, 2018а: 127–131). Это очень приятный сюрприз. И потому, во-первых, я бы хотел поблагодарить авторов за то, что они отреагировали на мою статью (хотя она и не требовала реакции, так как я *не намеревался* полемизировать). Во-вторых, они сделали это в высшей степени тактично и уважительно — по крайней мере, мне так показалось. В-третьих, и это самое главное — по моим ощущениям, в нашем научном пространстве так мало настоящей научной полемики — глубокой и взвешенной, — что появление даже такого короткого ответа на мой текст для меня было настоящим праздником. И потому в том же самом абзаце я еще раз выражаю благодарность Михаилу и Тимуру за содержательный ответ и за то, что они прочитали мой текст. То есть мою благодарность нужно помножить дважды.

Простите, это очень долгое введение, но без него настоящий текст можно было бы не писать. И поскольку год назад, когда я работал над статьей «Приключения метода», не собираясь полемизировать, а в итоге получил полемический ответ, возникает вопрос — стоит ли мне вступать в дискуссию, если мне этого не хотелось? Дело в том, что мне и сейчас этого не хочется. Но разве я могу оставить без внимания содержательные вопросы, адресованные мне? Именно поэтому я решил предпринять отчаянную (и, возможно, жалкую) попытку объединить в одном тексте сразу два жанра — ответить на слова, обращенные в мой адрес, и одновременно кое-что сказать о книге, которую подготовили Тимур и Михаил и которая совсем недавно вышла в свет. Тем более

что именно в той части их текста, что посвящена полемике, авторы упоминают о скором появлении этого сборника (Атнашев, Велижев, 2018a: 130).

В целом, если бы нужно было дать мою оценку вышедшей книге в одном предложении, то я бы сказал так: это очень важная работа, и я рекомендую всем, кто хоть сколько-нибудь интересуется темой, ее купить и прочитать, или, если не хотите покупать, то хотя бы прочитать, или, наконец, хотя бы купить, даже если не собираетесь читать (но лучше, конечно, прочитать). Накануне книжной ярмарки «Non/Fiction» я рекомендовал книгу как одну из самых важных и всеми силами советовал ее приобрести (Павлов, 2018b). Можно сказать это все, что нужно знать относительно моего мнения о сборнике «Кембриджская школа: история и практика интеллектуальной истории» (Кембриджская школа, 2018b). Начиная с этих слов последующий текст можно не читать, потому что основное уже сказано, и дальнейшее изложение имеет значение лишь для тех, кто хотел бы познакомиться с содержанием более подробно.

Если представить, что книга идеальна и ничего не требует, кроме похвал, могли бы мы, придираясь и выискивая любые, даже самые мелкие мелочи, найти в ней хоть какой-нибудь недостаток, малейший изъян? Если все же придираться, то что-то, разумеется, можно найти. Я бы назвал два (точнее — два и один) изъяна. Далее я скажу только про них, потому что, будем считать, что других нет. Те же изъяны, о которых пойдет речь, системны (за исключением одного, который я выделяю отдельно). В процессе обсуждения этих недостатков я смогу обсудить и те моменты, которые Михаил и Тимур затронули в параграфе своего текста, именуемым «Полемика».

Но прежде несколько слов о самой книге, так как необходимо соблюдать особенности жанра «рецензия». В сборнике четыре части «Методологические манифесты», «Полемика и критика: вокруг Кембриджской школы», «История политических языков в России», а также вступительное слово редакторов-составителей: Михаила Велижева и Тимура Атнашева. Большинство этих текстов ранее уже были опубликованы в журнале «Новое литературное обозрение». Это касается самого предисловия редакторов (переписанного и усовершенствованного), одного из трех манифестов, как минимум одного из пяти текстов в разделе критики и как минимум четырех из шести текстов в разделе русской истории. Чтобы не было недоразумений: на мной взгляд, перепечатка материалов,

публиковавшихся в журнале, под одной обложкой — это не плохо, а хорошо. Во-первых, количество трехлетнего труда должно было перейти в новое качество, а, во-вторых, само качество текстов было улучшено. Тем же, кто уже читал ранее публиковавшиеся статьи, можно обойтись и новыми материалами — благо их не мало, и все они интересные.

Итак, в первом блоке два методологических текста Скиннера и один текст Покока. Во втором блоке пять статей разных авторов, из них два текста за авторством Скиннера и Покока, а три — иных авторов, соответственно: Джеймса Талли, Мартина ван Гелдерна и Мелвина Рихтера. Третий блок — исключительно русскоязычные авторы: Михаил Велижев, Тимур Атнашев, Екатерина Правилова, Татьяна Борисова, Константин Бугров и Сергей Польской. Исследователи русской мысли и истории будут счастливы прочитать третий блок, поклонники скрупулезной методологии и не всегда написанных простым языком научных статей будут поглощены первым блоком, а второй блок окажется полезным для тех, кто хочет подробнее узнать про Скиннера, историю критики методологии школы и разницу между двумя методологическими установками в исследовании интеллектуальной истории, представленными Кембриджем и Гейдельбергом. Структура сборника понятная и рабочая. Все тексты очень важные: хорошо, что отобраны именно они. Еще раз: книга замечательная.

Теперь же я могу перейти к анонсированным выше недостаткам, а по-хорошему — моим придиркам, на которые, однако, я не могу не обратить внимания. Первый системный недостаток — технический. *Во всех* переводных текстах, у каждого из которых обширная библиография, практически не представлены русские переводы упоминаемых сочинений. Почти в каждом тексте мы видим лишь несколько сиротливых источников на русском языке, и, разумеется, это переведенные работы Квентина Скиннера. Ради справедливости стоит сказать, что в двух текстах (сложно представить, что же все-таки случилось) то ли переводчик, то ли редактор партизанским методом вставил упоминания русских переводов Томаса Гоббса и Эразма Роттердамского, но во всех остальных переводных текстах Марсилий Падуанский, Макиавелли, Гоббс, Локк, Витгенштейн, Гадамер числятся «непереведенными».

Между тем, тексты Лео Штрауса (в первом манифесте Скиннер ссылается на них много), Исайи Берлина, Ханны Арендт, Томаса Куна, Джона Ролза (хотя вроде как в России уже устоялось «Ролз», в книге его называют «Роулзом»), Филипа Петтита, Ричарда Рорти и (к несчастью некоторых студентов-филологов) «Улисс» Джеймса Джойса были

переведены на русский язык. Как такое возможно? Ведь это то, что даже можно не обсуждать — уже давно сложился и укрепился научный этос, требующий сверки цитат (а если тексты переведены некорректно, это оговаривается отдельно и пишется «перевод изменен») или, если они не цитируются, то просто указываются источники. Этим неблагодарным трудом, занимается, как правило (и, к сожалению), научный редактор. Я говорю «к сожалению», потому что любой научный редактор знает, что такое искать и сверять цитаты, бегать с пеной у рта, выискивая редкие книги, которые необходимо вписать в ссылки на русском, и, в конце концов, составлять библиографию. И если вдруг в невероятно насыщенном цитатами и источниками тексте ученый, знакомый с такой редакторской деятельностью не понаслышке, видит, что научный редактор (в данном случае два научных редактора и еще несколько редакторов переводов) не удосужился провести такую работу, он впадает сперва в бешенство, затем в отчаяние и только потом обретает меланхоличное смирение. Но недоумение, постигшее читателя при том, что он увидел в библиографиях, с ним остается. И, оставаясь с этим недоумением навсегда, читатель делает очередной шаг, приближающий его к окончательной потере веры в человечество.

Если сформулировать ту же мысль, но немного более серьезно, то спросим еще раз: в чем дело? Почему этого нельзя было сделать? Забыли? Лень? Некогда? И так все, знают, что Гоббс переведен? Есть ли хоть одно (уважительное) логическое объяснение тому, что в русских переводах представлены только тексты Скиннера? Здесь, правда, станет еще немного грустнее, потому что в разных статьях сборника, например, переведенный текст Скиннера «The State» то дается на русском языке в библиографии (Талили, Мовнин, 2018: 246), то не дается (Рихтер, Логутов, 2018: 380). В целом очевидно, что было принято решение указывать лишь переводы Скиннера (Гоббс и Эразм проскочили случайно — повезло). Но это вызывает еще большее недоумение. Если уж не обращать внимания на русские издания, то на все.

В своей статье, обращаясь к моему тексту, Михаил и Тимур пишут, что я и они, то есть «мы смотрим на Кембриджскую школу из разных дисциплинарных перспектив: мы считаем себя прежде всего историками, Павлов (как нам представляется) — политическим философом. В частности, он пишет: „...в рамках политической философии работать сложнее, нежели с историческим материалом“ (Павлов, 2018а: 296). Наш опыт подсказывает обратное, но не в этом суть» (Атнашев, Велижев, 2018а: 128). Отмечу в отношении себя лишь то, что сам я пока не

определился окончательно, кем себя считаю, но если бы я и воображал про себя, будто занимаюсь политической философией, то это было бы сформулировано так: «*история* политической философии». В самом деле, спорить о том, кому и с чем работать сложнее, я бы тоже не хотел (по крайней мере, сейчас). Но отмеченный мною выше недостаток показывает, что происходит тогда, когда две дисциплины встречаются — тщательная проработка материала в рамках собственных исследований и не самое уважительное отношение к библиографии в рамках другой — сколько же выдающихся философов осталось без уважительного к ним отношения, и не только политических. С чем можно точно не спорить, так это с одним — *нормальную* библиографию должны делать одинаково и политические философы, и историки — даже в том случае, если последние обращаются к политической философии.

А теперь я упомяну тот недостаток, который отметил отдельно. Он несистемный. Точнее я почти уверен, что он несистемный. И хотя это пустяк, не могу сдержаться, чтобы про него не сказать. В статье Покока «Квентин Скиннер: история политики и политика истории», публиковавшейся еще в журнале «Новое литературное обозрение», есть пассаж, в котором автор щелкает по носу философов, занимающихся, по его мнению, созданием исторического вымысла, и поскольку с течением времени, как утверждает Покок, история все больше проблематизируется и документируется, философам следует напоминать, что они пишут вымышленную историю: «В США, наводненных последователями Леви-Стросса, претензии философов на знание того, что есть история, все еще нуждаются в опровержении» (Покок, Акмальдинова, 2015: 90). В той же самой статье, опубликованной уже в книге, к имени Леви-Стросса кто-то добавил нежное и уважительное «Клод», и получилось: «В США, наводненных последователями Клода Леви-Стросса, претензии философов на знание того, что есть история, все еще нуждаются в опровержении» (Покок, Акмальдинова, 2018: 211). Это прибавление свидетельствует о том, что для книги уже публиковавшиеся тексты вычитывались, и это достойно самой высокой похвалы.

Я почти уверен, что Соединенные Штаты в самом деле наводнены последователями Леви-Стросса (а вообще, кем США не наводнены?). Но в чем я уверен еще больше, так это в том, что Покок говорил не про Леви-Стросса. Мне не нужно было проверять это, но для тех скептиков, которым всегда нужны доказательства (позиция, достойная уважения),

я могу сказать, что в оригинале речь идет, разумеется, о Лео Штраусе[1]. Такие обидные ошибки в последний раз я встречал где-то в 2004 году. С тех же пор со мною никогда такого не было, и вот опять. Как итог: переводчик, редактор перевода и два научных редактора, вычитывая текст, оставили это так, как было. Хотя я не прав: изменения произошли — с «Леви-Стросс» на «Клод Леви-Стросс». Позвольте еще раз подчеркнуть, что это — придирка, и данная оплошность (со всеми бывает, а со многими часто — так и хуже) никак не влияет на качество книги. Тем более что в другом месте Лео Штраус называется Лео Штраусом (Скиннер, Пирусская, 2018d: 293). Относительно этих мелочей меня оправдывает лишь то, что я являюсь поклонником таланта Штрауса, а также то, о чем я еще скажу позже. Пока же разрешите мне раскрыть второй проблемный момент рецензируемой книги.

Воображая о том, кто будет читать сборник, я ставлю себя на место студента лучшего отечественного университета типа Высшей школы экономики — студента, который решил посвятить жизнь исследованиям методологии истории политической мысли Кембриджской школы. Первое, что я сделаю, это куплю книгу «Кембриджская школа» и прочитаю ее взахлеб. Затем я подумаю, что достаточно много знаю о предмете, потому что редакторы сделали очень сложную работу и представили деятельность школы объективно и всесторонне. Так, у меня сформируется мнение о том, что такое методология Кембриджской школы. Проблема в том, что это будет не во всем корректное мнение. Прекращая воображать себя студентом, теперь я просто хочу сказать, что составители, готовя сборник (сборник здесь — ключевое слово), не сделали главной и необходимой вещи — то есть нарушили принцип контекстуализма и, можно сказать, создали новый и очень фрагментированный интеллектуальный контекст в пределах одного сборника. Вопрос о том, можно ли было сделать по-другому (можно) — сложный, и мы не будем его здесь разбирать. Но получается следующая картина.

В манифестах дано три текста — два Скиннера и один Покока (Скиннер, Пирусская, 2018a), (Скиннер, Пирусская, 2018c), (Покок, Акмальдинова, 2018). Пусть первый и главный манифест школы, написанный Джоном Данном, не представлен — это не такая большая беда. Но составлять мнение о методологии, в целом, по двум текстам (а их больше) это не то же самое, что составлять мнение по всем главным текстам. И здесь мы переходим ко второму разделу. В нем представлен «Ответ

[1]Там так и написано: «Leo Strauss» (Pocock, 2009: 139).

моим критикам» Квентина Скиннера (Скиннер, Пирусская, 2018d). Это не просто ответ критикам. Это глава книги (контекста), буквально вырванная из контекста. В важнейшей для понимания сути метода Кембриджской школы книге «Значение и контекст. Квентин Скиннер и его критики» (Meaning and Context, 1988) сперва дана вступительная статья редактора (представленная в том же втором разделе сборника «Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории») (Талили, Мовнин, 2018), затем главные методологические работы Скиннера (их пять, а не две), за ними следуют ключевые статьи, в которых была дана критика этих манифестов (их пять и еще два, итого — семь), и только потом представлен текст Скиннера с реакцией на заданные ему вопросы — длинный и дотошный. Эта статья есть в сборнике «Кембриджская школа» (а с нею и два манифеста), но самой критики нет. То, что Скиннер воспроизводит аргументы оппонентов — это одно; то, что пишут сами его оппоненты — совсем другое. В целом, сам блок «Полемика и критика» содержит куда больше похвалы в адрес Скиннера, нежели как таковой полемики. Исключение составляет статья Мелвина Рихтера «Покок, Скиннер и Begriffsgeschichte» (Рихтер, Логутов, 2018), в которой автор вежливо и очень аккуратно указывает на слабые стороны в методологии Скиннера и Покока, но заканчивает, конечно, на позитивной ноте, призывая «кембриджцев» обратить внимание на альтернативный подход к истории понятий Begriffsgeschichte. Давайте согласимся, что этого мало как для *полемики*, так и для *критики*, и уж тем более для корректного понимания сложности методологии школы и присущих ей недостатков. Этот пункт мог бы быть освещен во вступительной статье редакторов, но их по понятным (и уважительным) причинам больше интересует «Кембриджская школа в России» (Атнашев, Велижев, 2018b), чем всестороннее освещение темы.

Остается посоветовать читателям внимательно и подробно знакомиться со статьей Мелвина Рихтера, чтобы привиться от обаяния методологии, такой привлекательной и такой авторитетной. Здесь же разрешите мне вновь вернуться к полемике. Главное, с чем не соглашаются в моих размышлениях Михаил Велижев и Тимур Атнашев, так это с тем, что их исторические исследования не во всем соответствуют методологии Кембриджской школы. Ну что ж. В качестве аргумента я могу лишь привести их цитату, взятую из дискуссионного блока, посвященного моему тексту. Они пишут: «Существенно, что *наша задача никогда не сводилась к тому, чтобы буквально воспроизводить кембриджскую аргументацию*. Наоборот, последняя служит отправной точкой для

дальнейших рассуждений о политическом, предполагающих и *отход от „кембриджских" принципов, — например, введение социологического по своему характеру понятия „режимы публичности"*. Учет социальных предпосылок и условий политической значимости письменной полемики в жанре политической философии *дополняет* (весь курсив мой. — *А. П.*) инструментарий Кембриджской школы, для которой такая значимость не была очевидной» (Атнашев, Велижев, 2018а: 130–131).

Это очень интересный поворот сюжета. Условно и утрированно: я говорю, что работаю в рамках конкретного метода (предельно четко и конкретно прописанного), а затем принимаю решение, что его изменяю — не вполне понятно, насколько радикально. Если бы я был ортодоксальным марксистом, то в один исторический период меня бы обвинили в ревизионизме, в другой — посчитали «неомарксистом». Другие неомарксисты, которые бы развивали марксизм в ином ключе, тоже смотрели бы на меня косо — как на неправильного марксиста. Но это, конечно, марксизм. А как быть с методом не универсальным (здесь, разумеется, «что хочу, то и ворочу»), а очень и очень авторским (пусть бы авторов-основателей и три — и каждый до определенной степени уникален)? Давайте будем даже не считать этот вопрос риторическим, а просто оставим это, сделав вид, будто его не было.

Не удовлетворившись тем, что я сказал об исследованиях, инспирированных Кембриджской школой в России, Михаил и Тимур пишут: «Представляется важным содержательное суждение о методологическом характере представленных в блоках „Нового литературного обозрения" исследований по русской интеллектуальной истории» (там же: 131). Представляется, что содержательное суждение о текстах, опубликованных сперва в журнале, а затем — в сборнике, предлагается сделать мне (или, возможно, кому-то еще — но тогда кому?). Я бы очень хотел и, возможно, даже сделаю это, но пока вернусь к тому, с чего начинал текст и не раз повторял. Разбирать тексты, посвященные отечественной истории, не входило в намерения автора (меня), когда он писал тот первый текст, и не является намерением автора (меня) в этом тексте. Однако у меня есть, что добавить на этот счет.

Вместо того, чтобы скрупулезно изучать означенные тексты и выносить окончательные суждения, давайте сделаем один шаг назад и посмотрим на картину поодаль, чтобы увидеть ее в масштабе. В этом случае сперва я бы хотел задать один вопрос. Учитывая то, что метод Кембриджской школы корректируется русскими историками (надо содержательно смотреть — в какой степени), зачем отечественным ученым

вообще его применять? Я говорил и повторю еще: их тексты выполнены на высоком уровне и ценны сами по себе — как тексты по русской (интеллектуальной) истории. Зачем усложнять задачу и делать такой большой акцент на методе? В конце концов, можно скромно, во введении упомянуть, что в процессе работы мы руководствовались такими-то принципами, как, например, писали раньше и пишут до сих пор в научных диссертациях: «Главным методологическим принципом нашей работы стал диалектический материализм как универсальный и самый объективный способ познания социальной реальности». И, как правило, ученые писали, вооружившись методом, не про сам диалектический материализм. Но метод при этом *работал*.

Теперь, возвращаясь, как и анонсировал, к Лео Штраусу, скажу следующее. Например, я очарован его методом работы с классическими текстами и являюсь в принципе большим его поклонником. Но (в том числе потому, что знаю его метод относительно хорошо) я не собираю других поклонников Лео Штрауса и мы дружным монолитом не пишем, что работаем в такой-то области политической мысли, руководствуясь его методологией. А сделай я так, это породило бы еще большую сумятицу относительно споров интеллектуального наследия Штрауса. Я могу делать ссылки на его тексты и идеи, но все же не могу брать на себя смелость заявить, что применяю его метод (тем более к отечественной истории). Чтобы не сложилось неприятного недопонимания, скажу, что речь здесь не обо мне. Речь совсем о другом. Когда марксист Перри Андерсон виртуозно работает с *понятием* «гегемония», делая это так, как не смог бы сделать никто другой, то в предисловии он скромно замечает: «...мы будем использовать прежде всего методы сравнительной исторической филологии» (Андерсон, Кралечкин, 2018: 8). Сравнительная филология — и только: никаких выкрутасов с речевыми актами и иллокутивной силой высказываний. Чтобы провести превосходное исследование понятия, Андерсон не обращается к специальным методам — потому они не всегда уместны, а часто лишь сковывают в том, что ученый хочет сказать.

Доведу мысль до конца. Когда американский историк Мартин Малиа писал книгу про Александра Герцена (Малиа, Павлов и Узланер, 2010), то, конечно, в предисловии обсудил метод. Однако дело было не в методе. Он провел исследование, которое до сих пор актуально в области русской интеллектуальной истории, как и «Истоки современной политической мысли». Тогда, в 1960-е годы, с работой Малиа было трудно что-то сопоставить из книг советских авторов, написанных на

ту же тему (дело было даже не в идеологическом гнете). Но сегодня, когда отечественные ученые в состоянии писать тексты, которые могут с успехом конкурировать с зарубежными исследованиями (а Тимур Атнашев и Михаил Велижев — именно такие ученые), становится не совсем понятно, зачем при изучении материалов отечественной истории прибегать к необходимости делать это под ярлыком западных академических традиций. Здесь не стоит знака вопроса, потому что это тоже не риторический вопрос. Более того, это даже не вопрос. И потому он не требует ответа.

Здесь же мою рецензию-ответ-на-полемику можно подвести к концу и еще раз поблагодарить редакторов сборника за труд и предоставленную возможность отечественным читателям познакомиться с важнейшей темой западной гуманитарной науки. И, поскольку книга должна пользоваться невероятным спросом, то во втором издании можно подготовить хорошую библиографию. Потому что истина, пусть хотя бы историческая, а не философская, важнее метода. И, конечно, библиографическая истина — она тоже очень важна.

Литература

Андерсон П. Перепетии гегемонии / пер. с англ. Д. Кралечкина. — М. : Издательство института Гайдара, 2018.

Атнашев Т., *Велижев М.* История политических языков в России : к методологии исследовательской программы // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2018a. — Т. 2, № 3. — С. 107–137.

Атнашев Т., *Велижев М.* Кембриджская школа : история и метод // Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018b. — С. 7–50.

Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018b.

Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855 / пер. А. Павлова, Д. Узланера. — М. : Территория будущего, 2010.

Павлов А. В. Приключения метода : Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. — 2018a. — № 4. — С. 261–302.

Павлов А. В. Список литературы : non/fiction–2018. — 2018b. — URL: `https://iq.hse.ru/news/228521495.html` (дата обр. 25 дек. 2019).

Покок Д. Г. А. Квентин Скиннер: история политики и политика истории / пер. с англ. А. Акмальдиновой // Новое литературное обозрение. — 2015. — Т. 134, № 4. — С. 75–92.

Покок Д. Г. А. Квентин Скиннер: история политики и политика истории / пер. с англ. А. Акмальдиновой // Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018. — С. 191–217.

Рихтер М. Покок, Скиннер и Begriffsgeschichte / пер. с англ. А. Логутова // Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018. — С. 347–380.

Скиннер К. Значение и понимание в истории идей / пер. с англ. Т. Пирусской // Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018a. — С. 53–122.

Скиннер К. Истоки современной политической мысли : в 2 т. / пер. А. Олейникова, А. Яковлева. — М. : Дело, 2018b.

Скиннер К. Мотивы, намерения и интерпретация текстов / пер. с англ. Т. Пирусской // Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018c. — С. 123–141.

Скиннер К. Ответ моим критикам / пер. с англ. Т. Пирусской // Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018d. — С. 249–346.

Талили Д. Перо — могучее оружие : Квентин Скиннер анализирует политику / пер. с англ. Н. Мовнина // Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории / под ред. Т. Атнашева, М. Велижева. — М. : Новое лит. обозрение, 2018. — С. 218–248.

Meaning and Context : Quentin Skinner and his Critics / ed. by J. Tully. — Princeton, New Jork : Princeton University Press, 1988.

Pocock J. G. A. Quentin Skinner: the History of Politics and the Politics of History // Political Thought and History. Essays on Theory and Method. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009. — P. 123–142.

Pavlov, A. V. 2019. "Istina i metod [Truth and Method]: retsenziya na sbornik o Kembridzhskoy shkole [review of a Collection on the Cambridge School]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (1), 315–329.

Alexander Pavlov
PhD in Law, Associate professor at the National Research University Higher School of Economics, Moscow; Head of the Social Philosophy Department, Leading Researcher, RAS Institute of Philosophy, Moscow

Truth and Method

review of a Collection on the Cambridge School

Atnashev, T., and M. Velizhev, eds. 2018. *Kembridzhskaya shkola [The Cambridge School]: teoriya i praktika intellektual'noy istorii [Theory and Practice of Intellectual History]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye lit. obozreniye

DOI: 10.17323/2587–8719–2019–3–1–315–329.

References

Anderson, P. 2018. *Perepetii gegemonii [The H-Word. The Perepiteia of Hegemony]* [in Russian]. Trans. from the English by D. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo instituta Gaydara.

Atnashev, T., and M. Velizhev. 2018a. "Istoriya politicheskikh yazykov v Rossii [History of Russian Political Languages]: k metodologii issledovatel'skoy programmy [Introducing Methodology of a Research Program]" [in Russian]. *Filosofiya [Philisophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 2 (3): 107–137.

——— . 2018b. "Kembridzhskaya shkola [The Cambridge School]: istoriya i metod [History and Method]" [in Russian]. In Atnashev and Velizhev 2018c, 7–50.

——— , eds. 2018c. *Kembridzhskaya shkola [The Cambridge School]: teoriya i praktika intellektual'noy istorii [Theory and Practice of Intellectual History]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye lit. obozreniye.

Malia, M. 2010. *Aleksandr Gertsen i proiskhozhdeniye russkogo sotsializma. 1812–1855 [Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism, 1812–1855]* [in Russian]. Trans. by A. Pavlov and D. Uzlaner. Moskva [Moscow]: Territoriya budushchego.

Pavlov, A. V. 2018a. "Priklyucheniya metoda [Peregrinations of a Method]: Kembridzhskaya shkola (politicheskoy mysli) v kontekstakh [The Cambridge School (of Political Thought) in Varying Contexts]" [in Russian]. *Logos*, no. 4: 261–302.

——— . 2018b. "Spisok literatury [Reading List]: non/fiction–2018 [Non/fiction–2018]" [in Russian]. Accessed Dec. 25, 2019. https://iq.hse.ru/news/228521495.html.

Pocock, J. G. A. 2009. "Quentin Skinner: the History of Politics and the Politics of History." In *Political Thought and History. Essays on Theory and Method*, 123–142. Cambridge: Cambridge University Press.

Pokok, Dzh. G. A. 2015. "Kventin Skinner: istoriya politiki i politika istorii [Quentin Skinner: the History of Politics and the Politics of History]" [in Russian], trans. from the English by A. Akmal'dinova. *Novoye literaturnoye obozreniye* 134 (4): 75–92.

——— . 2018. “Kventin Skinner: istoriya politiki i politika istorii [Quentin Skinner: the History of Politics and the Politics of History]” [in Russian]. In Atnashev and Velizhev 2018c, 191–217.

Rikhter, M. 2018. “Pokok, Skinner i Begriffsgeschichte [Pocock, Skinner and Begriffsgeschichte]” [in Russian]. In Atnashev and Velizhev 2018c, 347–380.

Skinner, K. 2018a. *Istoki sovremennoy politicheskoy mysli [The Foundations of Modern Political Thought]* [in Russian]. Trans. by A. Oleynikov and A. Yakovlev. 2 vols. Mosk-va [Moscow]: Delo.

——— . 2018b. “Motivy, namereniya i interpretatsiya tekstov [Motives, Intentions and the Interpretation of Texts]” [in Russian]. In Atnashev and Velizhev 2018c, 123–141.

——— . 2018c. “Otvet moim kritikam [A Reply to my Critics]” [in Russian]. In Atnashev and Velizhev 2018c, 249–346.

——— . 2018d. “Znacheniye i ponimaniye v istorii idey [Meaning and Understanding in the History of Ideas]” [in Russian]. In Atnashev and Velizhev 2018c, 53–122.

Talili, Dzh. 2018. “Pero—mogucheye oruzhiye [A Reply to my Critics]: Kventin Skinner analiziruyet politiku [Quentin Skinner Analyzes Politics]” [in Russian]. In Atnashev and Velizhev 2018c, 218–248.

Tully, J., ed. 1988. *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics*. Princeton, New Jork: Princeton University Press.